

ФАЛЬШИВЫЕ ЛЮДИ, ФАЛЬШИВЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Какая ситуация в открытой судебной коллегии. Обвиняемые — статские, едкие в костюме козылки понора, равнодушным взглядом скользят по собравшимся в зале, хрюка нагнетают осанку.

— Прикажете ли вы себя виновными в мошенничестве? — спрашивает судья, стараясь, по долгу службы, хранить невозмутжимо спокойствие.

— Это звучит слишком громко, — отвечает один, с видом оскорбленной добротности. Второй с малой самоуверенностью отвечает:

— А не кажется ли вам, г-н судья, что вы в данном случае издаете суждение на основе слухов. Дело ведь не стоит ли выдуманного ябу...

Но вот выступают свидетели, предъявляются документы, в с обвинениями оспаривается удивительная метаморфоза. Она объясняется, путают, пускают «для смягчения сердца» театральную слезу, в ввиду судебного заседания обходятся на пальцах, растарачивая перья из своего пышного хвоста...

Они злоупотребили полностью и вынуждены признать свою виновность в незаконном получении денег за переводку багажа.

Кто они и как все это произошло? Актер Русское драматическое театра М. Ковалев и помощник режиссера А. Вагнер, досрочно расторнув договор, против чего, кстати сказать, не возражали ни администрация, ни коллектив театра, выжидали из Якутска. Стремясь стянуть дополнительные финансовые ресурсы, в расуздании приобретены в пути слятывалы билетов, они задумали проверить деку багажную комбинации.

Собственно, ни Ковалев, ни Вагнер не были первооткрывателями в этой области. Они собирались применить этот, осуществленный в прошлом году актерами театра Зубиных. Тот напичкал свои чемоданы бумажными календарями с

металлическим листом, вклеил в портю этот «багаж», получил деньги в кассе театра и был таков.

— Бумажный календарь, ржавое железо — это кустарщина, примитив, — заявил Вагнеру Ковалев. — Мы проведем эту операцию без афертича и без жалова...

Обманчиво путем они получили на пристави багажные квитанции на несуществующий багаж: Вагнер на 275 кг., Ковалев на 240 кг. По презыкательным квитанциям бухгалтерия театра выдала комбинаторам 3265 рублей. Не те, что проглатили руководители, бухгалтеры, актеры, а ежедневно встречавшиеся с Ковалевым и Вагнером на работе и в общении, увидели простых людей — работников пристави. Они быстро раскрыли эту грязную махинацию и сообщили о ней работникам милиции. Комбинаторы были сняты с паролада и арестованы.

Суд приговорил Ковалева к полутора годам лишения свободы, а Вагнера — к шести месяцам исправительно-трудовых работ с вычетом 25 процентов из зарплаты.

Присутствующим в зале заседании с озабоченным вниманием приговор. Казалось, на этот раз можно было доставить точку.

Онило возникает вопрос: как могли скатиться в такую внисть люди, причислявшие себя к рабочим советским искусства? Имеют ли они право полагаться на спонс советского театра, правдивого нести царю выночку, благородную мораль строителей коммунизма?

Чтоб ответить на все эти вопросы, надо проанализировать и взглянуть на некоторые картины прошлого.

На театральном горизонте Якутска Ковалев появился летом прошлого года.

— Стелющийся актер! Мое искусство! Вку геси в определенных рамках! Мой творческий горизонт не имеет границ, как

не имеет границ горизонт в его чисто географическом понятии. Играл Гамлета и Отелло, царя Берендея и Янну-артиллериста!

Дирекция театра была в восторге от этой «махины». Но когда начались репетиции, а затем и спектакли, всем стало ясно, что Ковалев на той Вагнерова лодке, про которую говорят: на рубль амбиций и на грош ампуляции. Актер на него оказался некудышней. С первых дней работы в театре он занялся бесобразным пьянством. Не раз видел, как глубокой ночью Ковалев в одинокобном состоянии, как четвероногий, добирался до квартиры.

Когда его пытались усовестить, от него текли слезы и завывал:

— Не пытайтесь вы мне голову артиста...

Деньги, разумеется, нехватало. Он брал займы у актеров театра, у товарищеских работников, но долг никому не возвращал. Ему перестали верить.

Пьяным в театр пришел инженер Н. — работник одного предприятия Якутска.

— Вып артист Ковалев был у меня в гостях и, воспользовавшись моей добротностью, украл часы и 600 рублей. Это возмутительно!

В театре, да и не только в нем, знали о недостойном поведении Ковалева, но реальной оценки ему не дали. Дирекция князла на общественность, общественность — на дирекцию...

...Видя, что все уже сплывет с рук, Ковалев баглез: он стал притенять пьяным на репетициях, пьяным штреть на сцене. Зрители, смотревшие премьеру спектакля «Бесобойная ложность» возмущались:

— Пьяный актер на сцене! Ему неостыжимо!

Это не могло оставаться безнаказанным. Дирекция вынуждена была задать приказ а от увольнения.

Узнав об этом, Ковалев направился по-сучереди в городской комитет партии, в Министерство культуры, в директуру театра, повсюду выжидал:

— Я возмущен... Я протестую... Призвался, выжидал... Но в душу, в душу вот кто-нибудь заглянул? Заслуги мои перед Родиной сто-нибудь пришло бы выслушать? — а начинала раскатысь слезы свои «заслуги».

— Мой отец старый партийный работник, с деревенскими же стариками. Работал в ЦК Белоруссии... В срок первом, по воле сердца, я добровольно ушел на фронт. Выполнил задания командования в партизанском крае, потом был переброшен во Францию. Французский народ знает меня, как героя движения Сопротивления. Я награжден орденом Блужуа д'Ара. Личный предательский предательство врагам. Почетный караул из ста краснотра, барабанный дробь и все такое прочее... «Крестовосуды» Стефан Гейма читали? Ковалев — это я... Автор, правда, не отразил в достаточной глубине и полноте, но в общем и целом верно. Никто орден Красного Знамени и ряд наград. Два раза ранен, одна раз контужен! Это же понять надо! Подтверждает документально... Ковалев выдал документы и выжидал их на стол.

Дважды выжидал, как свое окружить ответственными головами этой властвования протолкнуть.

В театре раздавались телефонные звонки и солидные голоса твердили на трубки:

— Вы так того, переключили... Зачем же так сразу и увольнять... Все же герой... Дайте возможность доработать до конца сезона и отправьте с миром, по-лохому в Москву.

А что представляет собой в действительности Ковалев?

Он — флюкс на Ковалев. Его полнотная фамилия Градштейн, или Муза. Напаша это — рабочий вильгельмов артели «Новый шаг» в Минске, а партии никогда не состоял.

В 1942 году Градштейн попал в плен, находился в лагере перемещенных лиц. В партизанском движении из в какой стране, ни тем более во Франции не участвовал, тем как луну имеет некую, живую и трезвую. Ни капли крови на войне, вопроса лунному заверены, он не прощавал, правительственные награды не удостоен. Все его рассказы — грубое, безматериальное время!

«Документы» Градштейн сумел раздобыть в Якутском городском военном комиссариате, выпользовавшись отсутствием бдительности в этом учреждении.

Недалеко узнал от своего соседа по комнате повстанцев из Вагнер. По отзывам людей, бывавших более близко знавших его, это — морально разложившийся человек, эгоист, отщепенец, ослепший и жадничавший. Богда Вагнера спросили на суде, что предвидел его совершить балагану заключенным, он без стеснения ответил:

— Жадность и деньги...

В Якутск он приехал на Еревана, бросил женщину, ни обществу. Вышел из Якутска, бросил очередь (вторую по счету — он в сам, вероятно, выдал) жену. Вот у того жонки в Улаевовске, в Минске, в Кустане...

Уместно будет вкратце упомянуть о том, где воспитывался Вагнер, где формировался характер этого морального вырожденца. Отец его — дворянин, офицер царской армии. В 1915 году его мать вторично вышла замуж за офицера австро-венгерской армии, чья фамилия он носит и до сих пор. Его мез — Доросенко-Доросенский — видный царский сановник, занимал два свои в беззащитности владыке Венгрии.

С своим общими же покончила режиссера театра Вагнер относился небрежно, спустя рукавом, по той простой причине, что не знал и в не хотел знать.

— Что вы меня учите! — раздраженно кричал он. — Я двадцать лет работал в театре!

С этих либеральных же гон, в тайне в семье театрального сезона выжидала дет-

ре забралась, наконец, смелости уволить его за непригодности к работе. А в трудовой книжке многократные выжидания: освобожден по собственному желанию. Практически это означало: выжидал в Якутске, теперь поезжай в другой город в действии в том же духе. А мы умышленно руки...

Такую позицию руководителей театра называли расписанием как прямое поощрение грязными дельцам типа вагнеров и градштейнов.

Ныне Вагнер обивает пороги театра, требует скандалов:

— Восстанавливайте на работу! Я же освобожден по собственному желанию...

История, которая была рассказана выше, несомненно поучительна. Как могло случиться, что такие темные личности, моральные уроды свободно возвышались на сцене нашего театра, призванного быть рассказником переходной советской культуры? Как мог коллектив театра целый год терпеть в своих рядах людей, порочивших высокое здание советского автора?

Это произошло главным образом потому, что у нас не было и не сейчас создается атмосфера ветеранности в фактах подобного рода, усвоениями от старого общества и просветительских славней высокой и благородной моралью. Думать, что родные пята капитализма оторвут сами по себе, как отпаривают стуча срубленного дерева — значит действовать наряду людям, вносящим вред нашему общему делу.

Эта история свидетельствует и о том, что городской комитет партии, Министерство культуры мало заботятся вопросам воспитания творческой интеллигенции столицы республики, не оберегают ее ряды от проникновения людей чуждым, морально неустойчивым, разложившимся.

Советское искусство — дело высокое, святое, и факты его с достоинством могут вести люди — безупречно чистые, исключенно идеоло и правдивые.